

Художник С. Тюнин

За неделю до Нового года

ФАНТАСТИКА

Жаклин Де Гё

Перемены в жизни — это хорошо. А перемены к лучшему — еще лучше.

Хотя один зимовик из нашего отдела, в прошлом специалист по обледенению железных дорог, однажды сказал: «Когда машинист начинает искать новые пути, состав сходит с рельсов».

Его потом повысили, поставили контролировать Горводоканал. Теперь замораживает трубы сразу в трех кварталах.

Мне тоже несколько раз предлагали перевод, но я всегда отказывался. Во-первых, не лежит душа к заморозке, не люблю это занятие. Во-вторых, мне моя работа нравится, потому что творческая. Хотя, я знаю, совсем не все в конторе так думают. Как раз недавно с Филей, приятелем из отдела внешнего дизайна, спорили в кафетерии. Он говорит:

— Поражаюсь, как тебе не надоест. Я бы на сортировке новогодних желаний и одной зимы не высидел.

— Ты, — говорю, — не показатель. Ты вообще в офисе долго сидеть не можешь.

— А зачем мне здесь сидеть?! Снеговиками-то все на улице!

Филия у нас творец снеговиков. Он лепит их в разных стилях — то классика, то кубизм, то вместо морковки старый огнетушитель присобачит. И каждый раз гордится своим творением так, словно Венеру Милосскую изваял. Хотя, если подумать, его шедевры тоже в основном все безрукие, так что почему бы и нет... Я попробовал объяснить свою точку зрения:

— Все мы, зимовики, разные, и вкусы у нас отличаются. Тебе нравится лепить — ну и на здоровье! А мне нравится сортировать желания. Это интересно — узнавать, о чем мечтают люди, понимаешь?

Он только плечами пожал:

— Я понимаю одно — с такими мизерными амбициями ты всю жизнь на втором уровне просидишь.

Про второй уровень он, к сожалению, правильно сказал. Работа у меня хоть и творческая, но не престижная. Ниже сортировщиков только отделы упаковки и доставки. Смешно, люди думают, что Дед Мороз в нашей конторе главный. А на самом деле у тех, кто развозит подарки, только униформа красивая, а статус самый незавидный. На верхнем этаже в нашей конторе работают вовсе не морозы и не санты, а экономисты и финансисты. Вот у них действительно масштабы. То инфляцию в Еврорегии замораживают, то проекты НАСА, то банковские счета... Я пару раз поднимался к ним, на топ-уровень, — не по делу, нет, какие у меня там могут быть дела... просто посмотреть. Красиво. Все блестит серебром, сверкает инеем, под толчком полярное сияние переливается. Снег под ногами белый, чистый, словно только что выпал. А видели бы вы девиц, которые там работают! Все сплошь платиновые

блондинки и выглядят так, что Голливуд отдыхает. Только ухаживать за ними бесполезно — наша Генеральная выбирает для такой ответственной работы самых расчетливых и хладнокровных.

Ее кабинет на том же этаже, в самом конце коридора. Она редко его покидает. Большинство сотрудников видит руководительницу «Зимы» лишь раз в год, на корпоративах. Загадочная личность наша Генеральная. Незаурядная. Красавица. Умница. Гений заморозки. Вот только не улыбается совсем и всегда одна. Снежная королева.

Что-то я отвлекся. Хотел ведь о переменах.

Перемены в моей жизни начались неожиданно.

Утром, как обычно, пришел в офис, уселся поудобнее, закрыл глаза, врубил дистанционную многоканальную телеплатю. Одновременно подключил сознание к виртуальной картотеке. И начал принимать и сортировать желания — сначала определял по стобалльной шкале, насколько человек заслужил то, о чем мечтает, потом — степень исполнимости. Заодно проверял записи в учетных карточках — что случилось с мечтами прошлых лет, качественно ли отдел сбычи их исполнил, была ли от них польза...

Принято считать, что большинство желаний, адресованных нашей конторе, идут от тех, кому еще не исполнилось десяти лет. Это не так. Очень многие взрослые тоже ждут новогодних чудес. Только их желания набирают проходной балл гораздо реже, чем детские, потому и сбываются реже...

Итак, чего же ждут от нас в этом году?

Компьютерную игру. Ноутбук. Платье, как у принцессы. Айпад. Опять игру. Яхту, как у Абрамовича (ого, вот это мечтанул!). Щенка добермана. Игру. Двести долларов (фу, как неромантично...). Предложение руки и сердца. Стиральную машину. Плеер. Игру... еще игру... опять игру... Эх, как их много теперь, этих игроманов. Пятьдесят лет назад волшебные сказки с картинками были желанием номер один. А в прошлом году всего один человек — семилетний мальчишка — попросил в подарок книгу. Можете себе представить? Один! Его мечта стала такой сенсацией на всех уровнях, что сама Королева прониклась. Утром первого января мальчик нашел под елкой сборник сказок Андерсена с роскошными иллюстрациями, подписанными инициалами «С.К.». Вот, кстати, интересно, какое желание он загадал в этом году?

Я переключил мысли на нужный канал, настроился. Что?! В полном шоке я прослушал желание еще раз — вдруг ошибся? Нет, все правильно. Протестировал на заслуженность — балл более чем проходной. Значит, надо определять исполнимость. М-да...

Забрав заявку, я поехал на пятый уровень, в отдел, где мечты становились явью.

— Ледостав Иванович, но ведь и раньше случалось, что сортировщик сомневался и оставлял исполнимость на усмотрение сбычников, — напомнил я. — И вы принимали!

— Ну и что? Тогда принимали. А сейчас, сам понимаешь, особый случай. С этим, — Ледостав ткнул пальцем в заявку, — надо идти к Самой. А я к ней с этим не пойду. И никто из моих ребят не пойдет!

— Почему?

Начальник отдела сбычи мечт возмущенно мотнул длинной седой бородой:

— Потому что сказки надо читать! Андерсена! Тогда не будешь задавать идиотских вопросов!

Я вздохнул.

— Я читал Андерсена, Ледостав Иванович. И все понимаю. Но и вы поймите — раз желание заслужено, я не имею права его отклонить. Просто обязан дать заявке ход. Это моя работа!

Ледостав довольно кивнул:

— Правильно. Твоя. Вот ты и действуй. Проси аудиенции и определяй степень исполнимости сам. Без нас. А сейчас извини, больше обсуждать твою проблему не могу — Новый год на носу, дел по горло. — И он широким жестом указал на дверь.

«Чтоб твоя борода по весне вся на капель изошла!» — подумал я, выходя из отдела.

Холодный, чистый воздух в кабинете Генеральной пах озонем и хвоей. Мягко сиял покрывавший пол пушистый снег, льдисто блестя стены. Одну из них целиком занимало огромное, тронутое по краям морозными разводами зеркало. Королева спокойно рассматривала меня. В глазах ее мерцали серебристые искорки. Бледное, потрясающее своей совершенной красотой лицо было абсолютно невозмутимо.

— Итак, мальчик хочет стать Каем, — бесстрастно проговорила она.

— Да, Королева. Это тот самый мальчик, который попросил в прошлом году книгу.

— Вижу. — Генеральная легко коснулась кончиками пальцев лежавшей перед ней заявки.

Зеркальная стена внезапно осветилась, кабинет наполнил мелодичный хрустальный перезвон.

— Извините, — вздохнула Королева, поворачиваясь к зеркалу. — Слушаю вас.

— Отдел VIP-желаний. Менеджер по контактам с «Лукойлом» Холодков, — представился за кадром мужской голос.

— Опять VIP. Что на этот раз?

— Аномальная оттепель в Западной Сибири, Королева. Отдел погоды не справляется, говорят — площади слишком большие. — Зеркало показывало таежный тракт с увязшими в раскисших колеях грузовиками. Вдалеке, в просвете между деревьями, виднелась буровая вышка. — У промысловиков зимники превратились в месиво, через реки не переправиться, все трассы парализовало. Совет директоров в полном составе мечтает...

— Хорошо. Заморожу намертво. До мая не оттает.

Генеральная небрежно взмахнула рукой, зеркало погасло.

— Вернемся к вашей заявке. — Она снова взглянула на меня. — Как я понимаю, вы явились, чтобы определить исполнимость?

От ее взгляда язык примерзал к гортани. Я молча кивнул.

— Можете списать в архив. Эта мечта из разряда несбыточных. Кай был экспериментом. Эксперимент про-

валился. У меня нет ни малейшего желания повторять его еще раз.

Я по-прежнему не мог произнести ни слова, только стоял и смотрел на нее, чувствуя, как немеет от крепчающей стужи лицо.

— Вы свободны. — Тон Королевы был поистине ледяным.

По снежному ковру поползли в мою сторону белесые струйки поземки. С трудом преодолев стылое оцепенение, я еще раз кивнул — на прощание — и покинул кабинет.

Работы было море — канун праздника, время исполнения загаданных желаний. Самое сумасшедшее время года. Я еле успевал сортировать поступающие со всех сторон мыслепросьбы. К концу дежурства голова гудела, как будто в ней разыгралась вьюга. Еле дождался сменщика и хотел уже лететь домой, однако мешала мысль об этой злосчастной заявке. Я ведь так и не отправил ее в архив. Почему — сам не мог понять. Наверное, от смутного чувства, что это как-то... неправильно. Все-таки пацан весь год по-честному вполне прилично себя вел. Несправедливо, что он совсем ничего не получит к празднику. Если загаданное желание невыполнимо, может быть, можно подобрать что-то взамен?

Одним словом, вместо дома я отправился в панельно-блочный микрорайон города X. Девятиэтажка, где жил несостоявшийся Кай (в миру Дима Кондратьев), стояла на самой окраине. Розовые от заката окна смотрели на засыпанный снегом огромный пустырь. В небе надсадно каркали вороны.

Я сосредоточился на мальчике. Теперь, когда мне не мешали потоки сознания других людей, можно было услышать не только новогоднюю мечту, но и все его мысли. Я впитывал слова и образы, отделял воспоминания от фантазий, фильтровал, анализировал. Попытка определить, что именно в подаренной год назад книге так зачаровало Диму, что он захотел стать пленником Снежной Королевы. Мысленно перелистав книгу, я, кажется, нашел причину — оформление. Страницы, описывавшие лето, остались без картинок. Зато изображения зимы были выполнены великолепно. От их красоты перехватывало дыхание. Особенно сильно подействовал на Диму вид ледяных чертогов Снежной Королевы — иллюстрация занимала целый разворот, и мальчик подолгу, не отрываясь, смотрел на нее. Генеральная создала настоящий шедевр. Впрочем, она ведь рисовала с натуры.

Ладно, если дело только в том, что парнишке нравится криоархитектура, обойдемся и без переезда в царство холода и мрака. Пусть поживет как Кай, не отходя от дома.

Я переключился на другой телепатический канал.

— Филя, у меня к тебе дело. Очень срочное.

— Старик, ты меня знаешь, я друзьям всегда помогаю, тем более это детская мечта, канун Нового года и всякое такое. Но и ты меня пойми — тут же работы до утра, а у меня на сегодня свидание намечено, — мой приятель расплылся в довольной улыбке, — перспективное...

Перспективные свидания у Фили случались с завидной частотой — в его донжуанском списке числилась даже одна из примороженных карьеристок с верхнего этажа. Я вздохнул:

— Ладно, что ж поделаешь. Желаю успехов в личной жизни и так далее. Пусть все у вас получится.

— Спасибо! — Жизнерадостно кивнул Филя. — А чего так кисло-то? Мы и с твоим проектом сейчас разберемся.

Поставлю софт, введу исходные — и, вот увидишь, у тебя тоже все получится! Давай сноубук.

Вскоре я уже был счастливым обладателем программы «Ледяной дом». Филя закачал в нее результаты осмотра и обмера пустыря, нашел в Гугле план и снимки загородной виллы Снежной Королевы, поколдовал над минимизацией...

— Всё! — Он сунул мне раскрытый сноубук, хлопнул по плечу. — Надеюсь, дальше и без меня справишься. Осталось только запустить и контролировать процесс. А мне пора. Удачи!

— Спасибо! — с чувством поблагодарил я, направляя луч проектора на залитые лунным светом сугробы. — Тебе тоже! С меня причитается!

Дима, с круглыми от изумления и восторга глазами, бродил по залам сияющего в утреннем свете дворца. Пацан явно выскочил из дома в страшной спешке: шапка набекрень, варежки забыл, под расстегнутой курткой — пижама с Винни Пухами. Он был настолько поглощен сбывшимся ледяным чудом, что, похоже, не чувствовал холода.

Что ж, вот и все. Я выполнил желание. Пусть теперь играет со своей новой игрушкой. Программа оказалась просто супер — воспроизвела и декор, и мебель, и спецэффекты. А книгу я пока забрал. Хоть мне и не приходилось слышать раньше о картинках, сходных по воздействию с осколками волшебных зеркал, однако ее влияние на Диму мне не понравилось. Конечно, я уверен, Генеральная хотела как лучше, однако, похоже, не рассчитала силу магии. Особенно настораживало то, что мальчик до сих пор оставался единственным человеком, способным видеть дворец. Я при установке добавил в программу опцию «видимость по выбору владельца» — чтобы всякие отморозки не беспокоили. Однако не ожидал, что Диме вообще не захочется делиться радостью ни с кем из близких — ни с друзьями, ни с родителями, ни с младшей сестрой. Думал, сразу побежит и позовет кого-нибудь из них. Нет. Не позвал. Наоборот, добравшись до тронного зала, уселся на королевское место и подумал, как здорово, что никто не мешает и хорошо бы всегда сидеть здесь вот так, одному. А потом озаботился мыслью, где бы раздобыть набор льдинок, из которых можно складывать слово «вечность»...

М-да. Думаю, этой книге не повредит пара «теплых» иллюстраций — для равновесия. Отнесу-ка я ее для корректировки специалистам из... хм... смежного ведомства.

Зимовики и летовики обычно не общаются вживую и не ходят друг к другу с визитами, хотя наши техотделы сотрудничают довольно тесно, а мы, сортировщики, порой перебрасываем друг другу заявки. Всегда ведь находятся люди, которым хочется зимой собирать подснежники, а летом кататься на коньках. Сегодня я решил сделать исключение из правил и заскочить на обеденном перерыве к ним в контору.

По сравнению со стерильно-свежей атмосферой наших офисов здешний воздух был настолько пахучим, что казался осязаемым. В нем смешались ароматы цветов, запахи трав и меда, сена и яблок, навоза и речной тины. А еще пахло зверинцем, перегретым асфальтом и огурцами. У меня от такого букета даже закружилась голова и глаза с непривычки заслезились. Да и вообще, все было не так, как у нас. Другое освещение, зеленые газоны вместо снежных ковров, стены увиты плющом и вьюнком. А главное — всего один этаж, без всяких уровней. Отделы располагались во-

ФАНТАСТИКА

круг огромной полусферы Центра, в которой находились оранжереи и кабинет их Генеральной.

Коллеги-сортировщицы оказались очень милыми, однако книга их напугала.

— Извини, ничем не сможем помочь, — виновато развела руками Лилия.

— Слишком сильная магия холода, — объяснила Роза. — Нам ее не разбить, только сами завянем. Давай сходим проконсультироваться с дизайнерами.

Дизайнеры, едва взглянув на книгу, поставили диагноз:

— Не осилим. С этим может справиться только сама Флора.

Второй раз за сутки меня отправляли к Генеральному директору, только на этот раз не «Зимы», а «Лета».

Ладно. Что ж поделаешь. Придется идти. Там не заморозили, авось и здесь не растаю.

Офис Флоры представлял собой большую круглую лужайку. Мы сидели на поросшем луговыми травами пригорке. Я чувствовал себя не в своей тарелке — трава ведь живая, ей, наверное, неприятно, когда на ней сидят...

— Ага. — Флора, раскрыв книгу на одной из иллюстраций, недовольно сощурилась. — Дорогая сестрица опять задумала какую-то пакость.

— Что вы, — запротестовал я. — Она вовсе не желала мальчику зла. Даже желанием его не воспользовалась. — И, не удержавшись, добавил: — А вы совсем непохожи.

Генеральные всех Сезонов действительно родные сестры. Дети матери-Земли и отца-Времени. Однако, глядя на мою собеседницу, было трудно в это поверить. Флора — загорелая, кареглазая, босоногая, с веселыми ямочками на щеках и веснушками на носу.

— Я вся в маму, — гордо сказала руководительница «Лета». — А ваша шефиня пошла в отцовскую родню. Жутко похожа на папину сестру, нашу тетку. Просто до отвращения — и характер, и повадки...

— А кто ваша тетка по отцу? — осторожно спросил я.

Флора вздохнула

— Смерть. У папы вся родня такая. Общаемся только по необходимости — они и меня, и моих детей терпеть не могут.

Сквозь прозрачный купол ярко светило солнце, в воздухе жужжали насекомые.

— А это кто? — спросил я, разглядывая кружащего над цветами маленького полосатого летуна.

— Шмель, — рассеянно ответила Флора, листая страницы.

— А тот, который ему головой кивает?

— Клевер. Зовет нектар попробовать.

Все кругом дышало, шевелилось, цвело и звучало. Ужас. Как они тут работают?! Хотя если честно, люди в конторе «Лето» мне понравились: улыбчивые, приветливые, дружелюбные. И девушки прямо лучились теплом и сердечностью. А наши все — или снегурки, или снежные бабы...

— Все понятно! — Флора захлопнула книгу. — Я так и думала! Она пытается обойти договор о нераспространении «синдрома Кая»!

— «Синдром Кая»?

— Так его называли наши психологи. Основные симптомы — уверенность в собственной исключительности и «непонятости», презрение к окружающим и одновременно страх перед ними, желание изолироваться, уйти в придуманный мир, угасание нормальных реакций на внешние раздражители.

— И что, мы это распространяли?

— Еще как! Предполагаю, это был спецпроект, разработанный в вашей лаборатории на цокольном этаже.

Цокольный этаж был закрытой зоной. На подступах к нему бушевали метели, на особо упорных обрушивались снежные лавины. Что там происходит и чем там занимаются, наверняка не знал никто, зато слухи ходили самые фантастические. Даже секции холодного оружия и холодной войны были не так засекречены, как упрятанная в подвальный бункер «лаборатория научных исследований».

— Несколько зим назад ваша контора запустила в сеть игру «Снежный принц», — объяснила Флора. — Человек начал играть, и довольно быстро у него развивался синдром. Геймеры постоянно пребывали в эйфории от собственной крутизны, полностью выпадали из реальной жизни, переставали общаться с близкими, чувствовать холод и голод и вообще замечать, что происходит вокруг. Мы в ответ разработали вирус «Герда», разрушавший механизм формирования синдрома. Возник конфликт, никто не хотел уступать. Естественно, это сразу отразилось на погоде — перепады температуры и атмосферного давления были в ту зиму просто дикие. Старшие родственники созвали семейный совет. В результате ваша Генеральная вынуждена была изъять игру и подписать обязательство не распространять синдром с помощью электронных носителей.

Теперь все стало понятно.

— Книга — не электронный носитель, следовательно...

Флора кивнула:

— То-то и оно. Думаю, сам мальчик ей действительно не нужен. Просто решила воспользоваться его желанием и протестировать новое ноу-хау. Терпеть не могу, когда она начинает грешить подобными экспериментами! У нее, видишь ли, всегда «чисто академический интерес», а я каждый раз боюсь, что она доиграется до еще одного великого оледенения!

Мне стало совсем некомфортно. Я хотел всего лишь помочь Диме, а получается, влез в старый конфликт нашей конторы со смежниками. Выдал секреты Генеральной. Еще неизвестно, во что теперь все это выльется. Впрочем, изменить уже ничего нельзя.

Я решил пока не думать о последствиях моего визита к Флоре, а вернуться к его цели:

— С мальчиком-то что делать? Я думал, если вы уберете несколько зимних картинок и подпишете пару летних...

Генеральная «Лета» отрицательно покачала головой:

— Нет. Это улика, и я ее не отдам.

Она прищелкнула пальцами — книга исчезла.

У меня тоскливо заняло в груди. Вот же вляпался! Зачем я только сюда пришел? Сжег бы «подарок», и дело с концом. А парнишка и сам исцелился бы со временем. Тут я вспомнил, как надменно он сидел на ледяном троне в этих своих «винни пухах», и засомневался: а вдруг не исцелился бы? Вдруг таким бы и остался?

— Но ведь подобное лечат подобным, — попробовал я переубедить Флору. — Раз синдром развился от книги...

— То и лечить надо книгой, — согласно кивнула она. — Только почему непременно той же самой?

Флора взмахнула рукой, выхватила из воздуха два ярких разноцветных томака.

— Мои доставщики в декабре на лету замерзают, отправьте, пожалуйста, через ваших. Мальчику — «Маленького принца», пусть вспомнит, что значит любить и заботиться. А «Муми-тролля» — моей дорогой сестрице. Ей полезно узнать, что ее стиль руководства не единственно возможный — существуют и другие типы лидеров.

На следующий же день нашу контору посетила комиссия из Комитета глобального экологического и климатического контроля. Проверяющие сразу потребовали от Королевы провести их в цоколь. Потом прошлись по всем этажам, вернулись в кабинет Генеральной и заседали там до вечера.

По коридорам с тихим выюжным посвистом пробегали буранчики, разнося из отдела в отдел пересуды сотрудников. Говорили, что секретная лаборатория оказалась пустой и вымерзшей — ничего и никого, только иней по углам и сугробы вдоль стен... Рассказывали также, что, пока комиссия таранилась в подвале на свисающие с потолка гигантские сосульки, типография успела телепортировать «сами понимаете куда» напечатанные за последние две недели новогодние открытки. Заказ на их выпуск, по слухам, был подписан самой Генеральной, эскизы и макеты утверждены ею же. За достоверность всех этих историй поручиться не могу, однако то, что экологи-климатологи ничего предосудительного так и не нашли, знаю точно — в предпраздничном меморандуме упоминался положительный отзыв, который заслужила наша контора по результатам проверки. Однако от коллег-сортировщиц из «Лета» Розы с Лилией я узнал и нечто другое: на семейном совете книгу, подаренную Диме, очень не одобрили. Королева сначала доказывала матери, сестрам и племянникам, что не нарушила буквы договора — там ведь и речи не было о запрете на бумажные носители. Однако другие Сезоны поддержали «Лето». Видимо, память о великом оледенении их тоже беспокоила. Договор был дополнен еще одним пунктом, и нашей Генеральной пришлось подписать его в новой редакции.

А меня, как и следовало ожидать, уволили. Сразу после Нового года. Якобы в связи с послепраздничным сокращением количества желаний. Мало кто в конторе поверил этой формулировке (какое, к чертям, сокращение, если скоро 14 февраля!). Однако догадывались об истинной причине только Филя и Ледостав. Оба они смотрели на меня с сочувствием, а начальник сбывчи мечт, по-моему, еще и чувствовал себя отчасти виноватым. Даже пообещал дать мне рекомендации, если что...

Конечно, можно было бы попроситься в «Лето». Но в-первых, я был обижен на Флору. Во-вторых, вспомнил о запахах в коридорах, вездесущих насекомых и живых

коврах. В общем, от этой мысли я отказался почти сразу. Не мой это сезон. Абсолютно не мой.

Поразмыслив как следует, решил отослать резюме в «Весну» — между февралем и мартом разницы примерно столько же, сколько между мечтаниями барышень перед Валентиновым днем и Международным женским.

Однако, как выяснилось, на Флору я обижался напрасно. Она не бросила меня на произвол судьбы. Через три дня после увольнения со мной связался секретарь ее отца, Календарь, и сообщил о предложении возглавить экспериментальное бюро по сбычу заветных желаний. Оказывается, Сезоны давно уже хотели выделить их в отдельную, не привязанную к временам года группу. На собеседовании Календарь ободряюще заметил:

— Флора сказала, что у вас есть не только способность творчески решать задачи, но также ответственность, энтузиазм и сочувствие к живым существам. Нам как раз такой специалист и нужен.

Когда я освоился с переменами в жизни, решил проверить, как там Дима. Не то чтобы я сомневался в летних методах лечения синдрома, но все-таки хотелось убедиться своими глазами.

На пустыре шумело масленичное гулянье, причем сразу было понятно, что все собравшиеся отлично видят дворец. Дети бесились, швырялись снежками, катались с построенных вокруг дворца горок, носились на коньках по анфиладам роскошных ледяных покоев, с хохотом гонялись за перепуганными спецэффектами. Несколько взрослых пар в карнавальных костюмах устроили в бальной зале танцы.

ФАНТАСТИКА

Снеговички-уборщики шныряли по углам, поспешно заметая рассыпанные конфетты, обрывки елочных гирлянд, фантики от конфет и мандариновые шкурки. Снаружи, на расставленных в ряд плитках и мангалах, родители на скорую руку жарили себе и чадам шашлыки, пекли блины. Тут же стояла батарея термосов, от девятиэтажки спешила чья-то бабушка с противнем пирожков. В тронном зале Дима с друзьями увлеченно расписывали гуашью прозрачные стены. На троне лежала раскрытая книга, с которой они копировали картинку, — «Муми-тролль».

М-да... Похоже, кто-то перепутал адреса на пакетах.

Сегодня наш отдел сортировки заветных желаний передал мне заявку на детеныша снежного барса. Адрес доставки — Северный полюс, вилла «Ледяные чертоги».

Одинокие женщины часто заводят котят...

